

АНТОН ШИРЯЕВ

БАНЯ

РАССКАЗ

— Вот вам ещё морсик облепиховый, грибочки солёные, огурчики, помидорчики, ну, и колбаски копчёной, сыра порезала немного, хлебушек свежий, “бородинский”, как ты любишь, сынок, — материнский щебет был напроць фальшивым и неестественным. Все эти уменьшительно-ласкательные “грибочки”, “огурчики”, “морсик”, “помидорчики”, “колбаска”, “хлебушек” ужасно резали слух, раздражали похлеще шуршания пенопласта и скрипа мела по доске. Мать никогда раньше не имела привычки так слащаво выражаться, да и сынок его никогда не называла, всегда по имени, в крайнем случае — сын. “Сынок, — мысленно перекатил в голове это слово Павел, — фу, спасибо хоть не сыночек. Это она перед этим своим тут старается, хлопочет, лебезит, “скушай огурчик”, тьфу, мерзко как, на фига я сюда приехал? Не хотел ведь, видит Бог...”

— Ну ладно, вроде бы всё, я пошла тогда? — мать заискивающе посмотрела на этого своего, а тот небрежно махнул ей рукой, — дескать, свободна, иди, не мешай. Павел чуть не задохнулся от праведного гнева. Всё в этой сцене оскорбляло его чувства: и то, что мать обращалась не к нему, единственному своему сыну, а к этому постороннему, свалившемуся как снег на голову противному мужику, смотрела только на него, а не на сына! И то, с каким ленивым небрежением он махнул ей в ответ рукой, — типа, проваливай, давай уже, без тебя тут справимся.

ШИРЯЕВ Антон Владимирович родился в 1985 году в Ижевске. Окончил Удмуртский государственный университет по специальности “Экономика труда”. Работал бухгалтером, менеджером в отделе закупок, в настоящее время — мастер складского хозяйства. С 2014 года исполняет песни собственного сочинения. Несколько стихотворений были изданы в любительских сборниках, проза публикуется впервые. Женат, воспитывает двоих сыновей. Живёт в Ижевске.

— За знакомство, Паша, по маленькой? — Он противно осклабился и подмигнул левым глазом.

“Нашёл собутыльника, алкаш драный”, — Паша с остервенением дёрнулся и отвернулся, выплюнул куда-то в стену предбанника:

— Я не пью.

— Правда? Хм, странно, а мама твоя, гм, по-другому мне говорила, что вроде как уважаешь это... ну, с правильной закуской имею в виду, — тут же поправился мужик, прочитав что-то такое, по-видимому, в Пашиных глазах.

— У меня пост сейчас, нельзя спиртное, — через зубы пояснил Паша.

— Пост? Так он ведь вроде бы весной был? — изумился мужик. — Перед Пасхой ведь бывает, нет разве?

— То Великий пост, а сейчас Петровский пост идёт, — нехотя пояснил Паша, сам в это время сверлил глазами запотевшую бутылку водки интересной заграничной формы. “Дорогая, небось, какая-нибудь скандинавская, наверное... Эх, кабы не пост, то попробовал бы, конечно, но этому хмырю знать об этом нечего, пусть думает, что я к водке равнодушен и пьяниц презираю”.

— Жаль, жаль. Думал, мы с тобой немного посидим, выпьем, так сказать, за сближение культур, — мужик, кажется, искренне расстроился.

“Вот и пей теперь в одну будку, как колдырь”, — со злорадством подумал Паша.

— Ну, ничего, пост есть пост — дело святое, раз взялся — держи, а я вот выпью всё-таки с устатку, не повредит, — мужик набулькал себе в рюмку через дозатор грамм пятьдесят. — За твоё здоровье, Павел, — опрокинул, аппетитно закусил колбасой. Паша даже невольно залобовался им: “Похоже, любитель этого дела, а то и профессионал”, — не преминул отметить на подкорке.

— Ещё раз повторюсь, чтобы закрепить наше знакомство, так сказать, зовут меня Виктор Петрович Черезов, работаю я ведущим конструктором на заводе “Электромаш”, не женат и ни разу не был. Вот... и так получилось, Павел, что мы с твоей мамой познакомились в гостях у общих знакомых, сошлись, так сказать, и теперь стали вот даже жить вместе, вот...

Мужик по имени Виктор Петрович пристально посмотрел Паше в глаза, пытаясь прочитать реакцию на свою речь, Паша не выдержал, отвернулся. Стало противно на душе; во-первых, всё это он и так уже знал от мамы, со своим конструктором она прожужжала ему все мозги, сперва по телефону, а потом и при встрече. Помнится, вначале он её подколол:

— Конструктором работает, говоришь, а каким? Лего или нашим, отечественным?

Мать сперва не поняла:

— Конечно, отечественным, на заводе “Электромаш”.

Потом обиделась немного, но быстро отошла.

Во-вторых, ужасно раздражала его речь — все эти “хм”, “гм”, паузы, “вот-вот-вот”, как будто дурачок деревенский, двух слов связать не может.

Поняв, что чем-то его презентация Паше не угодила, Виктор Петрович смешался, нервно плеснул себе ещё один стопарик, пробормотав под нос: “Ну-с, за встречу”, — быстро выпил, закусил на этот раз солёным рыжиком.

— А пойдём в баню, Паш, а?

— Пойдём, — пожал плечами Паша. “А то смотреть, как ты тут накидываешься, что ли? Невелика радость”, — прибавил про себя.

Когда раздевались, Паша искоса смотрел на чахлого Петровича, и чувство омерзения не покидало его. Всё в нём было не так, как надо: фигура несуразная, одежда немодная и явно неновая, хорошенько заношенная. Рубашка... такое чувство, что с чужого плеча, на два размера больше, чем следовало бы, под ней — майка-“алкоголичка”, какие носили, наверное, лет тридцать назад. Но самыми смешными и нелепыми были трусы Черезова — ярко-голубые в жёлтых солнышках, плавками. Сам Паша носил только “бок-сёры”, не переноса другие на дух. “Взрослый мужик, а трусы напялил, как у дошкольника. Клоун!” — вынес свой мысленный вердикт Павел.

В бане было хорошо. Банька старая и не особо вместительная, но добротная, чистая и вполне уютная, а главное — держала жар. Баню строил

ещё Пашин отец, когда Паша был совсем маленьким, больше двадцати лет назад. Отец вообще всё делал очень основательно, на совесть. Паша вспомнил отца — весёлого, высокого, крепкого человека. Отец был в Пашиных глазах недостижимым идеалом, к которому можно только стремиться, но невозможно достичь. Всё у него всегда получалось, за что бы он ни брался, причём как-то само собой, как будто бы без особых усилий и напряжения. Отец всегда знал, как нужно поступить правильно, интуитивно, наверное, выбирал единственно верное решение. Его все любили, а жена и сын просто боготворили. “И как она могла променять отца вот на это?” — с ненавистью смотрел Паша на Черезова сквозь полуприкрытые веки. Виктор Петрович действительно сильно проигрывал отцу внешне. Невысокого роста, тщедушного телосложения, далеко не красавец на лицо. “И чего мать в нём нашла?” — недоумевал Паша.

— На наколку смотришь? Это с армии сувенир вот такой вот, я в погранвойсках служил, “На границе тучи ходят хмуро”, — фальшиво пропел Виктор Петрович и противно хохотнул. — Давно это было, Дальний Восток, граница с Китаем, да... Много воды с тех пор утекло...

На плече у Черезова и вправду виднелась выцветшая синяя наколка — полосатый столб, щит и какой-то полустёршийся орнамент в окантовке.

— Можно свести, сейчас есть такая услуга в тату-салонах.

— Зачем же? Память ведь всё-таки. — Виктор Петрович явно был смущён и раздосадован. Паша равнодушно пожал плечами.

Разговор не клеился, и Паша опять стал вспоминать отца, как тот брал его ребёнком в баню, объяснял — это каменка, сюда нужно кипятка плеснуть из вот этого крана, тогда пойдёт пар, станет жарко. “Бзданём ещё?” — спрашивал отец, Паша молча кивал, и отец щедро поливал камни горячей водой. Потом Паша робко просился в предбанник, не выдерживая ядрёного пыла, отец хохотал: “Спёкся, сын? Ну, пойдём, проветримся...” Сколько бы Паша ни терпел, а всегда сдавался первым, отца невозможно было пересидеть в бане. То же самое про него, кстати, говорили и взрослые мужики, батины друзья: “Кремень жаростойкий, жить в бане может”.

А этот задохлик даже парку поддать не удосужился.

— Может, пару поддадим?

— А давай, сам поддашь?

Паша молча слез с полка, набрал в ковшик кипятка и от души плеснул на камни, мстительно отметив при этом, что мамин хахаль уселся точно напротив каменки. В последний момент, он, впрочем, успел переместиться левее, подальше от печки, так что паром его обдало не сильно, по касательной.

— Ух, крепко дал, молодец! Хорошая у вас с мамой баня!

— Отец строил.

Снова повисла тяжёлая пауза.

Довольно быстро в бане стало как-то удушливо жарко. “Ни за что первый не выйду”, — дал себе зарок Паша. Как и ожидалось, Черезов сдался первый.

— Уф-ф, я, пожалуй, выйду, — слегка шатаясь, он направился к двери.

— Я ещё посижу, — язвительно откликнулся Павел. “Слабак ты, дядя”, — прибавил про себя мстительно — отец бы ни за что так быстро не вышел.

Впрочем, и Паше далеко до отца, почувствовав дурноту, он и сам вскоре отправился в предбанник.

Хахаль снова пил.

— Ты закусывай, Павел, закусывай, грибы-то ведь можно тебе? Вот и дед мой, Царствие Небесное, тоже, когда постился, грибы ел, это я хорошо помню, кушать-то надо что-то. А всё же жаль, что у тебя пост сейчас, не рассчитал я этого как-то, мама твоя не предупредила что-то, но ты не подумай, я тебя не агитирую пост нарушать, пост — это святое, молодец, что постишься.

От жара и от водки Виктор Петрович раскраснелся, стал похож на Синьора Помидора из детской книжки, отец читал Паше “Приключения Чипполино”, когда тот был маленьким.

— О чём задумался? — прожорливый Черезов хрустел солёным огурцом.

— Отца вспомнил.

— Ты не подумай, Павел, я к твоей маме со всей душой, так сказать, с серьёзными намерениями, погоди немного ещё — и свадьбу сыграем! Ну, как свадьбу, без этого вот всего, — Виктор Петрович сделал неопределённый круговой жест в воздухе огурцом в правой руке. — Я имею в виду не банкет, конечно, с фатой и лимузином, но отношения узаконим, чтоб всё честь по чести. Я не из этих, кто так — поматросил и бросил, у нас всё серьёзно, чтоб ты знал.

Об этом Паша знал и без него — мать уже просветила.

Он намеренно поддавал много пару, ехидно отмечая, как Виктору Петровичу тяжело даётся баня, явно не последнюю роль играла и выпитая водка. Разговор больше о серьёзном не заходил. Черезов спрашивал об учёбе, институте и предстоящих госэкзаменах. Поинтересовался дальнейшими Пашиными планами после диплома. “Твоё-то вот какое собачье дело? — с раздражением думал Павел. — Уж к вам-то жить точно не перееду, не переживай”. Отвечал Паша вяло и скупно. Сам принципиально ничего о Черезове не спрашивал — больно надо.

— Ты не куришь случайно? Нет? Молодец, а я, знаешь, вот всё никак бросить эту пагубную привычку не могу, особенно когда беленькой выпьешь, так и тянет, так и тянет...

— Курить — чертям кадить, как у нас в храме говорят. И сигаретки — дьявола детки — бороться надо со страстями-то.

— Да? Не слышал такого ещё. Смешно. Ну, что уж тут поделывать, мы люди грешные, слабые...

“Оно и видно, ещё какой слабак попался, что же она нашла-то в тебе, Хрен Петрович?” — Паша сидел и размышлял, мысленно поливая грязью мамино халаха. “Папа едет в Ленинград, мамин халахаль будет рад”, — вспомнилось дурацкое двустипшие.

Виктор Петрович как-то очень быстро набрался. Координация движений стала нечёткой, после очередного похода покурить вернулся в грязи чуть не по колено.

— Вот, поскользнулся тут у вас, слегка... ик!

Ничего себе слегка, все ноги чумазые.

А вскоре Черезова и вовсе срезало прямо за столом. “Ну, слабак и есть слабак, я так и думал, а ведь водки выпил всего ничего”, — крутил Паша в руках бутылку интересной формы, а водка, кстати, оказалась никакая не импортная, наша, отечественная. Батя бы от такого количества даже не захмелел ничуть, а этот нажрался в умат, ладно хоть не бужит, мирно уснул.

Виктор Петрович тихо посапывал, откинувшись на спинку дивана. Выйти сейчас из бани, крикнуть: “Мать, забирай своего синяка, вон он, красавец, лежит, без порток и грязный, как свинья, нахрюкался, кавалер твоя...” А потом и вовсе можно добить: “Гони-ка его в шею, мать, на что тебе этот алкаш нужен? Неужто нормальные мужики закончились?”

“Батя, батя, как же мне тебя не хватает, где же ты, интересно, и как там устроился?” Отец Паши не был верующим человеком, но при этом всегда старался поступать правильно, не сквернословил, ни с кем не ругался, не страдал тщеславием и гордыней, старался по возможности всем делать добро. Паша молился за него, надеялся, что Господь не оставит отца после смерти. Отец умер двенадцать лет назад, сгорел от рака лёгких в считанные недели, хотя никогда не курил и запаха табака не выносил вовсе. “Вот почему так, Господи? Один курит, как паровоз, и ничего — живёт себе, водку трескает, к маме сватается, а другой и сигареты в рот не брал, а умер от рака лёгких... Почему так несправедливо, Господи?”

Паша в очередной раз с глубочайшим презрением посмотрел на мамино халаха. Жара не выдержал, напился быстро... То, что напился, конечно, это нехорошо, но ведь и выпил немного. Паша посмотрел на недошитую бутылку, вспомнил, как Черезов наливал себе водки после особо колких Пашиных замечаний и ответов. Нервничал, наверное, вот и напился. Вот взять да отнести его матери: на, полюбуйся!

Тут взгляд Паши упал на грязные ноги Черезова. Прямо так нести, с ногами, как у свиньи!

Но вместо этого Паша, сам того от себя не ожидая, взвалил Виктора Петровича на спину и, поддерживая его за подмышки, поволок в баню. Тяжёлый, оказывается, а с виду тощий совсем! Черезов явно не понимал, что происходит и куда его несут, он вяло перебирал ногами и извиняющимся тоном бормотал:

— Проездной... У меня проездной в кармане.

— Какой тебе карман у голого! — хмыкнул Паша, но уже совсем без злобы, а даже вдруг пожалев пьяного хахалы. Наконец ему удалось затащить его в парилку и усадить на полок. Дверь в парную он предусмотрительно оставил открытой, а то окочурится ещё тут, не дай Бог. Набрал в пластмассовый тазик горячей воды, разбавил холодной до нужной температуры и опустил правую ногу Черезова в таз, тщательно намылив её мылом. Оказалось не так уж и противно, свежая грязь сходилась легко и непринуждённо. После первой ноги вода в тазике окрасилась в мутновато-серый цвет. Пришлось менять воду в тазу. Паша вспотел, в бане даже с открытой дверью было всё ещё очень жарко. “Напопдавал-то, напопдавал”, — сам себя укорял Паша.

— Не надо, не надо, прошу вас, — вдруг явственно подал голос Виктор Петрович.

— Как это — не надо? Что, так и пойдёшь с грязными пятками? Нет уж, извольте помыться, гражданин Черезов! — Паше стало как-то весело от этой нелепой ситуации.

Со второй ногой пришлось повозиться немного дольше, но в итоге дело было сделано. Паша полюбовался на свою работу, слегка отклонившись от Черезова. Пришла странная мысль, что мамин хахаль не помылся в бане, не успел — алкоголь наступил его раньше.

— Ну, так помой уж его всего, раз взялся, — хмыкнул Паша, обращаясь к самому себе с иронией. — Спинку пошоркай, жопу подмыть не забудь и все причиндалы! Нет уж, хватит с тебя.

Смеясь над самим собой, Паша набрал ковшиком прохладной воды и вылил на Виктора Петровича. Стал обтирать намыленной губкой. Тот забормотал:

— Не надо, прошу вас, не надо...

Но в себя не пришёл, голова безжизненно повисла на груди. Если бы не похрапывания, можно было бы предположить, что конструктору стало плохо.

Дело сделано, клиент готов, можно тащить в дом. Паше стало легко и хорошо на душе, как будто не он сейчас отмывал пьяного мужика в бане, а его самого начисто вымыли от налипшей на душе грязи.

В предбаннике он ещё хорошенько вытер Виктора Петровичем махровым полотенцем и, пренебрегая брезгливостью, натянул на него те самые смешные голубые плавки с солнышками. А потом надел на Черезова и всю его одежку.

— Ну, пойдём, Виктор Петрович. Ты смотри, блин, как баня людей сближает! — И Паша, взвалив на себя мамино хахалы, потащил его в дом.